

Для центризма появилась объективная основа

*На вопросы журнала отвечает доктор экономических наук, президент Высшей школы экономики, депутат Государственной Думы АЛЕКСАНДР ШОХИН**

«ОНС» Александр Николаевич, прошлая встреча с читателями нашего журнала произошла у вас в конце 1991 года¹. Тогда вы, как и другие члены будущего правительства реформ, лишь готовились к решительным преобразованиям. С тех пор прошло почти четыре года, большую часть из которых вы занимали в правительстве России ответственные посты: были министром труда, совмещая эту должность с постом вице-преьера, отвечающего за социальный блок, вице-премьером, курирующим внешнеэкономическую деятельность, наконец, министром экономики. За эти годы многое изменилось. Как сегодня, с высоты нового опыта вы оценили бы результаты реформаторских усилий, в том числе и ваших? Что бы выделили как обретения, что — как объективно обусловленные потери, а что — как просчеты кабинета министров?

А. Ш. Прежде чем начать разговор об оценке результатов преобразований (хотя, конечно, речь может идти лишь о некоей промежуточной точке достаточно долгого пути), я хотел бы выразить сожаление о том, что радикальные экономические реформы в России начались слишком поздно — с начала 1992 года. Конечно, лучше было бы, если бы мы начали на пять-семь лет раньше. Тогда и «стартовые условия» были бы другие, и «цена реформ» могла бы оказаться меньшей. Предложенные в те годы советским руководством меры были, наверное, необходимыми, но чересчур робкими. В частности, проведение рыночных институциональных преобразований ограничивалось развитием кооперативного движения, малого предпринимательства и т. п.

«ОНС» Была выдвинута идея «социалистического рыночного хозяйства»...

А. Ш. Однако даже до высот «социализма с человеческим лицом», до продвинутой реформ в таких странах, как социалистические Венгрия или Чехословакия, в эти годы нам дойти так и не удалось. А кризис тем временем нарастал, и было уже ясно, что экономика нуждается в новых импульсах, что на основе административно-командных инструментов и на проедании национального богатства, базирующемся на механизме превращения СССР в сырьевой придаток, вставшие перед страной проблемы не разрешить. Напомню, что в эти годы привычная практика решения проблем за счет нефти стала давать сбои и в последние годы существования СССР для этого начали использоваться все новые и новые кредиты. Именно тогда произошел резкий рост задолженности, связан-

* Интервью записано 28 июля 1995 года.

¹ См. «У нас пока нет рынка труда. На вопросы журнала отвечает министр труда РСФСР Александр Шохин». «Общественные науки и современность», 1992, № 1.

ный с большим объемом кредитов, которые охотно давали «под Горбачева», и эти массированные кредиты были той «кислородной подушкой», которая позволила продлить жизнь старой системе хозяйствования и управления. В итоге пять-шесть лет оказались потерянными для реформ, а сами кредиты породили тяжелое бремя расходов по обслуживанию долга бывшего СССР. Думаю, начнись реформы на несколько лет раньше, многое можно было бы реализовать более эффективно.

Сегодня об этой «предыстории» реформ нередко забывают, а ведь события того времени во многом предопределили, быть может, чрезмерно радикальный характер тех преобразований, которые начались с 1992 года. В частности, истощенностью резервов эволюционного, постепенного преобразования обусловлено возобладание идеологии определенной «встряски» экономики, с тем чтобы она сумела быстро перейти на новые рельсы, рельсы рыночной экономики. Тот кризис, который развился к концу 1991 года в российской и во всей советской экономике, уже не мог быть преодолен за счет традиционных методов. А кризис был явный. Он выражался не только в спаде производства (к тому времени, кстати, довольно существенном — около 17%), но и в практически полном исчезновении товаров с рынков, в натурализации экономики. Как совершенно реальная обсуждалась проблема «голодной и холодной зимы» 1991/1992 года. В этих условиях нужны были новая идеология, новая парадигма и определенная «встряска» экономики. Хотя по старым схемам она и могла бы протянуть годик-другой, нельзя было дать ей дойти до последней черты.

«ОНС» Почему?

А. Ш. Известно, что рыночные преобразования, в частности либерализация цен, связаны не только с позитивными, но и с негативными последствиями: больший или меньший спад производства неизбежен. Поэтому опасно было ждать, когда модель социалистического развития полностью себя исчерпает, нужен был какой-то «запас прочности», чтобы рыночные реформы имели и экономическую, и социальную базу. На это, собственно, и был расчет: используя тот факт, что в экономике еще не все развалилось, попытаться реализовать по крайней мере три задачи — либерализовать цены, открыть российскую экономику миру и осуществить институциональные преобразования, которые в то время именовались «разгосударствлением».

«ОНС» Как сегодня вы оценили бы выполнение этих задач?

А. Ш. Я считаю, что во многом эти задачи были выполнены, хотя честно могу признать, что наши прогнозы в значительной мере базировались на польском опыте, в соответствии с которым начало либерализации цен сопровождается спадом производства, который через 8—9 месяцев прекращается, а затем производство стабилизируется и начинает расти.

«ОНС» Такой прогноз и был изложен Б. Ельциным в речи на V съезде народных депутатов РСФСР.

А. Ш. Но нельзя не признать, что мы в определенном смысле недооценили специфику российской экономики. И спад производства не только вышел за рамки 1992 года, но и имеет место (пусть в значительно меньших масштабах) в 1995 году. Здесь можно искать разные причины. Одни, например, считают, что была чрезмерно ослаблена роль государственных инструментов, таких как госзаказ, контроль за ценами и т. п. Я думаю, в некотором смысле можно приводить и прямо противоположные аргументы: политика либерализации была чересчур непослелодательна. Именно эта непослелодательность и затяжной характер, скажем, устранения административных регуляторов экономики и привели к тому, что мы постоянно шли «кругами»: то «зажим» экономики и финансов, то послабление.

Это, кстати, означает, что «шоковой терапии» как таковой у нас не было, потому что «шок», растянутый на четыре года, это не «шок», а ситуация, к которой можно адаптироваться.

«ОНС» И мы знаем, что многие предприятия прекрасно адаптировались к новым условиям.

А. Ш. Да и общество тоже адаптировалось. В частности, можно проследить определенную связь между активностью оппозиции и интенсивностью действий властей по борьбе с ней, с одной стороны, и циклами «зажим—послабление» — с другой. Как правило, ужесточение финансовой политики сопровождалось ростом социально-политической напряженности в обществе. Лишь 1995 год, пожалуй, выпадает из этой закономерности.

«ОНС» Что же удалось сделать за эти годы? Обычно, говоря о них, делают акцент на спаде производства, на множестве проблем, обусловленных кризисными явлениями в экономике.

А. Ш. Все это так, но нельзя не видеть и того, что на самом деле мы имеем сейчас экономику, совершенно иную по сравнению с той, которая существовала в 1991 году. В этом смысле можно сказать, что программа 1992 года, ориентированная на раскрепощение рыночных сил, по существу выполнена. Подготовлена рыночная почва для модернизации экономики страны. Большинство управляющих предприятиями осознали ответственность за судьбу своего дела, приняли необходимость осмысленной, достаточно жесткой финансовой политики. Это кардинальные сдвиги, их нельзя сбрасывать со счетов, делая акцент лишь на нерешенных пока проблемах, прежде всего так и не достигнутой еще финансовой стабилизации.

Нельзя также не видеть, что за прошедшие годы была создана новая система цен, переставшая быть «королевством кривых зеркал». Тот факт, что в последние месяцы фиксируются довольно устойчивые пропорции в ценах и нет резких их колебаний на отдельные виды продукции, означает, что структура цен после долгого периода импульсивного развития, наконец, устоялась. У нас остается небольшой очаг инфляции издержек, связанный с тем, что не все цены на энергоносители приблизились к мировым. По мере приближения этих цен к мировому уровню и здесь будет, очевидно, происходить переход к выравниванию пропорций, и вся система цен будет потихоньку «ползти вверх». По подсчетам, эта составляющая инфляции издержек не превышает 2-х процентов. Данная цифра и предопределяет цели правительства: добиться, чтобы ежемесячная инфляция не превышала 2%, т. е. ликвидировать монетарную компоненту инфляции, ограничиваясь инфляционной составляющей, связанной со структурными особенностями нашей экономики.

Кроме того, сегодня уже можно говорить о том, что в общем-то создана инфраструктура рыночной среды: и старые социалистические монополии порушены, и новые механизмы государственного контроля за конкуренцией на рынке созданы. Конечно, многие из них еще неэффективны, много монополий еще сохраняется, не везде налажен действенный контроль за естественными монополиями, но все же ситуация изменилась коренным образом, и базовые механизмы становления инфраструктуры рынка существуют. Причем сделано это несмотря на то, что мы вынуждены были отказаться от реализации классической схемы их создания. За это нас упрекали и упрекают до сих пор многие специалисты, обвиняя в том, что не была создана конкурентная экономика перед либерализацией цен. Но ситуация в 1991 году была такова, что на это просто не было времени. Ведь если серьезно подходить к данному вопросу, ясно, что такую задачу нельзя решить «за 500 дней» или за меньший срок, который отводил Г. Явлинский на демонополизацию экономики в своей знаменитой программе.

«ОНС» То есть за эти годы создан пусть грубый, но действительно рыночный механизм. Его создание сопровождалось процессом разгосударствления экономики. Пожалуй, наибольшую критику все эти годы не только у специалистов, но и в обществе в целом вызывает то, как правительство проводило и проводит приватизацию.

А. Ш. Здесь я бы отметил прежде всего, что разгосударствление все-таки произошло, но в то же время я склонен признать критику этого направления реформ. Потому что до сих пор, по сути, эффективного собственника у нас нет. И только сейчас разворачивается борьба (иногда со стрельбой) за формирование этого собственника, т. е. за контроль над предприятием. Однако, признавая критику, я хотел бы также напомнить, что первоначально в планы правительства не входило проведение ваучерной приватизации. Более того, идеология ваучерной приватизации была выработана еще в советское время и принята Верховным Советом РСФСР.

«ОНС» Действительно, тогда было много сторонников тезиса о необходимости «вернуть народу собственность», а о проблемах эффективного собственника мало кто думал. Ко времени начала вашей деятельности Верховный Совет РСФСР уже принял ряд законодательных актов, основанных на схеме М. Малая, разработавшего проблему приватизации. Однако у него ваучеры должны были быть именными, т. е., скорее, был воспринят чешский подход.

А. Ш. Правительство первоначально думало о денежной приватизации как более эффективной и, кроме того, позволяющей решать бюджетные проблемы. Однако в то время идея денежной приватизации особенно политически вряд ли могла быть воспринята. В результате был выбран компромиссный вариант: ваучерную схему Малая соединили с денежной схемой Чубайса и получилась безымянная ваучерная приватизация. Внешне сохранились элементы народной приватизации при том, что ваучеры без ограничений пускались в финансово-денежный оборот. Эта схема имеет много недостатков, в частности она не в полной мере позволила реализовать народный характер приватизации. Но все же благодаря ей коммерческие структуры смогли получить значительные пакеты акций, и сейчас, на этапе продажи государственных пакетов, многие имеют хорошие возможности для получения контроля над предприятиями. Кроме того, значительные привилегии получил менеджмент, а значит, и у него есть шанс стать эффективным собственником.

«ОНС» Ясно, что сейчас мы находимся в середине некоего переходного процесса. Аргументы критиков осуществляемого передела собственности разбросаны в достаточно широком спектре: от несправедливости действий по приватизации тех или иных объектов до их незаконности.

А. Ш. Многое из раздающихся критических замечаний можно признать. Но сегодня, думаю, главное состоит не в возвращении к исправлению прошлых ошибок, а в том, чтобы не делать новых. Сложившуюся ситуацию со всеми ее недостатками надо признать как факт, потому что передел передела может очень далеко нас завести. Ключевым направлением дальнейшего нашего продвижения в этой сфере я считаю поиск оптимального соотношения между фискальными целями денежного этапа и инвестиционными задачами.

«ОНС» Нередко считают, что для решения этого вопроса государство, продав свой пакет акций предприятия, должно затем часть денег инвестировать в него же.

А. Ш. Я думаю, решение вопроса в другом. Надо провести четкую границу между аукционной продажей предприятия и инвестиционным конкурсом

Аукцион — это продажа по максимально высокой цене. Вполне вероятно, например, что иностранному инвестору выгодно купить предприятие даже за очень большие деньги просто с целью закрытия и таким образом избавиться от конкурента. Для проведения подобной операции не обязательно покупать самому, можно использовать в качестве посредников и российских юридических лиц. Есть и другие способы решения этой задачи. То есть при покупке предприятия на аукционе цели у покупателя могут быть самые разные. Поэтому надо активно использовать другую технологию — конкурсы. В этом случае государство может продать предприятие за чисто символическую плату, но выставить очень жесткие требования: обязательное сохранение рабочих мест, профиля предприятия, обязательная модернизация с учетом требований экологии, поддержание социальной инфраструктуры особенно в случае, если предприятие градообразующее, и т. д. Здесь на первый взгляд государство не получает фискальных выгод, но только на первый взгляд. Потому что оно снимает с себя расходы, связанные с решением всего перечисленного комплекса проблем и перекладывает их на инвестора.

«ОНС» Но инвестор может и не выполнить требований.

А. Ш. В условия конкурса вполне можно заложить механизм контроля с четким графиком внесения тех или иных инвестиций. В случае его срыва сделка не только может быть расторгнута, но и не выполнивший своих обязательств несостоявшийся инвестор обязан будет заплатить крупный штраф, так как он мог помешать другому выполнить условия конкурса. Это, по-моему, самый эффективный способ приватизации с целью инвестиций и модернизации экономики. Его широко используют в Восточных землях Германии. При кажущейся легкости приобретения собственности здесь заложено много очень серьезных обязательств. И надо сказать, что даже российские бизнесмены попадались на эту удочку. Например, Ю. Гехт.

«ОНС» Председатель фракции «Промышленный союз» бывшего Верховного Совета РФ?

А. Ш. Он самый. Он купил в Германии за 1 марку предприятие, а потом обивал пороги правительства, так как оказалось, что к такому-то числу он должен вложить 10 млн марок, к такому-то — 20 млн, должен заботиться о жителях поселка при предприятии, не может сократить более 10% рабочих и т. д. Выяснилось, что первоначально вложенная 1 марка повлекла за собой 100 млн марок обязательств, которые ему трудно было выполнить. Думаю, такой способ приватизации был бы для нас тем более полезен, что здесь можно наладить достаточно эффективный контроль, а это немаловажно, учитывая те политические и социальные аспекты, которые породила уже свершившаяся приватизация.

«ОНС» Еще одно обвинение, традиционно выдвигаемое в адрес реформаторов,— значительный спад производства.

А. Ш. Это любимый тезис оппозиции. Но я бы обратил внимание на тенденции последних месяцев: в ряде отраслей намечается оживление, хотя оно и не может быть названо устойчивым. В основном это экспортно ориентированные отрасли топливно-энергетического комплекса (ТЭК), металлургия, химия и т. д., но есть и чисто внутренние отрасли, например жилищное строительство, давшее 14% прироста за полугодие. Это очень хороший показатель, особенно если вспомнить, что долгие годы по пятилеткам у нас планировались одни и те же объемы вводов жилья.

«ОНС» Но успехи лишь экспортно ориентированных отраслей, как правило вывозящих сырье, позволяют вашим оппонентам говорить о превращении страны в сырьевой придаток Запада.

А. Ш. Главное — не идеологизировать ситуацию. Ведь здесь не происходит ничего экстраординарного по сравнению с тем, что было в годы советской власти, когда мы тоже выживали благодаря сырьевым отраслям. Задача состоит в другом: надо те импульсы оживления, которые заложены в экспортном производстве, перебросить в смежные отрасли. Пока этого не происходит, потому что отрасли ТЭК, экспортируя свою продукцию, не размещают внутри страны заказов на машины, оборудование и т. п. Здесь надо принимать специальные меры, чтобы направить импульсы оживления целевым назначением в определенные сектора экономики, прежде всего в машиностроение. Надо, например, добиться, чтобы выделяемые нам кредиты на поддержку отечественного ТЭК размещались бы на наших машиностроительных заводах, а не на западных, которые, как правило, выигрывают тендеры на размещение кредитов Мирового банка.

«ОНС» Но если зарубежное оборудование лучше?

А. Ш. Вот и надо сдвинуть цепочку хотя бы на одно звено, направить кредиты на модернизацию своего машиностроения для экспортных отраслей. Для этого может быть достаточно некоторого политического давления на переговорах с международными финансовыми организациями, минимальной государственной поддержки. Например, стимулировать создание лизинговых компаний, способных довести до потребителя дорогостоящую технику, дав им льготные кредиты, но и обязав работать с продукцией исключительно отечественного машиностроения. Это — пример государственной поддержки на основе рыночных критериев. К рыночным же способам поддержки можно отнести и принятую министерствами экономики и финансов схему выдачи кредитов, по которой государственный рубль вложений должен подкрепляться четырьмя рублями частных средств. В такой ситуации поддержка государства — лишь ускоритель реализации инвестиционных проектов, технико-экономические обоснования которых сделаны банками по стандартным методикам. К сожалению, правительство до сих пор действует, преимущественно давая бюджетные ссуды и не вводя никаких рыночных жестких банковских или финансовых критериев.

Очевидно, что сейчас уже можно говорить о таком результате реформ, как выход экономики из стадии спада в стадию депрессии. Сегодня задача состоит в том, чтобы депрессивное развитие не стало устойчивым. И меры по перенесению оживления из экспортно ориентированных отраслей в смежные — способ завершить стадию депрессии в ближайшие месяцы. Возможность эта есть, она может быть реализована прежде всего путем поощрения неких естественных тенденций в экономике. Не следует мешать предприятиям выживать, даже если для этого используются такие нетрадиционные технологии, как финансово-промышленные группы. Надо тем, кто адаптировался к рынку, дать возможность двигаться дальше. Потому что опора на сильных — в некотором смысле источник поддержки слабых.

«ОНС» То есть, если будет плохо сильным, слабым от этого лучше не станет?

А. Ш. Абсолютно справедливо. В этой связи может возникнуть масса вопросов. Прежде всего, правы ли те критики В. Черномырдина (С. Глазьев, Е. Гайдар и др.), которые упрекают его в чрезмерной любви к Газпрому? Думаю, здесь надо сделать точный анализ. Ведь Газпром на самом деле находится в довольно сложном положении. Самые прибыльные наши месторождения — Тюменское, Уренгойское — истощаются, дают все меньше газа, и нужны существенные затраты на компенсацию этого естественного спада, вложения в освоение новых месторождений.

Надо закладывать эти инвестиционные издержки в цену газа, но как это сделать, если платежеспособный спрос у нас ограничен и рост цен оборачивается ростом неплатежей. Неплатежи же (в отраслях ТЭК они самые значительные) создают еще большую нагрузку.

«ОНС» Неплатежи — это как бы беспроцентный кредит, который Газпром дает всем отраслям (да и непромышленной сфере), получающим его продукцию.

А. Ш. Опыт моего общения с Газпромом показывает, что его руководство отчетливо понимает всю сложность ситуации и необходимость постоянного балансирования. С одной стороны, надо инвестировать в производство, а с другой — каждые копейка или цент увеличения цены упираются в ограниченный спрос. Поэтому я не думаю, что правомерно говорить об особой любви правительства к ТЭКу, главное — не зарезать эту курицу, несущую яйца. Надо смотреть на вещи во всей их сложности и видеть не только успехи, но и проблемы наших «сильных» отраслей. Задача же поддержки других должна строиться не по нашей традиционной схеме (продаем нефть и газ, а выручку распределяем между нуждающимися), а по схемам, предполагающим стимулирование инвестиционного спроса по цепочке от экспортно ориентированных отраслей к отраслям, их обслуживающим, и т. д. В такой ситуации поддержка ТЭКа становится одновременно и поддержкой машиностроения и других отраслей промышленности, ведущей к увеличению спроса населения, а значит, к передаче импульсов стимулирования в легкую и пищевую промышленность. Раскрутить эту цепочку — одна из главных задач экономической политики.

«ОНС» Такая политика предполагает активную роль государства в экономике. Однако, как известно, критики правительства реформ обвиняли его в недооценке роли государства в экономическом регулировании.

А. Ш. Если говорить о недостатках политики, которая велась в прошлом, можно признать, что роль государства оказалась неадекватна тем задачам, которые стояли и стоят. (Хотя нельзя также не отметить, что критикующие государство за невмешательство часто имеют в виду отнюдь не рыночные способы регулирования, о которых я говорил, а привычные но прошлому опыту административные меры.) В наших взглядах присутствовал некоторый элемент упрощения. Казалось, что рыночные инструменты (цены, процентные ставки и т. п.) сами сформируют среду, которая может быть названа цивилизованным рынком, но это не так. Во всех рыночных экономиках есть такая функция государства, как защита контракта. Неплатежи — свидетельство того, что контракты некому защищать. Государство не имеет инструмента, с помощью которого можно заставить должника расплатиться со своим кредитором. А когда говорят о сильном государстве, имеют в виду не его участие в экономических отношениях, а его роль арбитра и контролера за правилами игры. Оно внедряет эти правила через законодательство и следит за их исполнением. Пока у нас еще не все правила игры внедрены: в портфеле Государственной Думы находится длинный список необходимых законопроектов. Плохо обстоит дело и с выполнением уже введенных правил: законы и указы не исполняются, нет технологий действия демократического рыночного государства, позволяющих гражданину добиться признания своих прав. Ведь все должно решать судебная система, а не хорошие или плохие начальники. Наше же судопроизводство явно не справляется с новыми требованиями.

«ОНС» То есть экономические преобразования у нас обогнали преобразования правовые?

А. Ш. В общем, да. В том смысле, что в полном объеме нет нормативных регуляторов. И сейчас наша задача (которая кое-кем может быть воспринята как задача державная) состоит в усилении роли государства в экономике с помощью отработки технологий эффективного исполнения им функций арбитра и контролера. Ведь не секрет, что уклонение государства от выполнения этих функций ведет к тому, что общество начинает использовать другие технологии вплоть до параллельных силовых структур, применения криминальных методов.

«ОНС» Говоря об итогах четырехлетнего реформирования, нельзя не вспомнить и о такой теме, как социальная цена реформ.

А. Ш. Это постоянная тема для дискуссий. С одной стороны, ряд параметров здесь оказался лучше, чем мы рассчитывали. Помню, в дискуссиях 1990—1991 годов доказывалось, что радикальные реформы приведут к появлению 30 млн безработных в масштабах СССР, в том числе около 20 млн в России. Сегодня видно, что безработица не стала столь катастрофической. Во многом потому, что крупные предприятия удержали занятость, используя методы скрытой безработицы (неоплаченные отпуска, выплата минимальной зарплаты и т. д.). Теперь самое тяжелое для отраслей позади и очевидно, что катастрофической безработицы не будет. За это можно поклониться директорам предприятий, хотя, разумеется, такая политика не способствовала эффективной структурной перестройке. Но постепенная адаптация шла, и минимизировались скрытые социальные конфликты и напряженности.

С другой стороны, некоторые социальные проблемы стоят сегодня острее, чем предполагалось. В частности, речь идет о социальной дифференциации и масштабах бедности. Социальная дифференциация выросла больше, чем хотелось бы, и одна из важнейших задач социальной политики — сгладить крайности полюсов богатства и бедности. Здесь нужна другая налоговая система. Нам не удастся пока наладить прогрессивную систему налогообложения высоких доходов, так как они не декларируются. Думаю, реформа налоговой системы должна исходить из необходимости снижения налогового бремени, прежде всего производителя, с одной стороны, и ужесточения санкций за неуплату налогов — с другой. Кроме того, очевидно, что наша налоговая система нуждается в упрощении. Именно ее сложность, существование десятков видов налогов способствуют широкому бытованию версий, что на налоги уходит до 90 или даже 100% прибыли, хотя это не так (большая часть налогов считается не от прибыли, а НДС входит как надбавка в цену товара, так что фактически оплачивает его не производитель, а покупатель). Главное же в совершенствовании политики доходов — недопущение дальнейшего снижения жизненного уровня населения, а в будущем, по мере преодоления экономического кризиса, переход к последовательному улучшению материального положения людей. Это должно сопровождаться мерами по активизации их экономического поведения, опережающим (по сравнению с другими видами доходов) ростом оплаты труда как основного источника благосостояния и стимула к эффективной деятельности. Пока, к сожалению, мы этого добиться не можем. Более того, доля зарплаты в общем объеме доходов населения за последний год заметно снизилась.

«ОНС» Нередко глубину кризиса, охватившего российскую экономику, прямо связывают с распадом СССР, с разрывом традиционных хозяйственных связей. Каково ваше мнение? Ведь вы долгое время курировали в правительстве и сфере экономических взаимоотношений стран СНГ.

А. Ш. Конечно, распад СССР послужил одной из причин углубления кризиса в России. Оценки показывают, что на долю разрыва хозяйственных связей приходится как минимум половина промышленного спада 1992—1993 годов. Но вопрос, по-моему, в другом. Политическая дезинтеграция не обязательно должна

сопровождаться разрывом хозяйственных связей. Если это и произошло, то в том числе по причине приоритета политических суверенных целей над экономическими.

«ОНС» Кстати, если вспомнить первые документы СНГ, они предполагали гораздо меньшую экономическую разобщенность, чем получилось на практике.

А. Ш. Переход на режим суверенного существования породил у многих государств надежду, что они смогут переориентироваться с внутреннего советского рынка на внешний, получив гораздо больше от продажи сырья, материалов и т. п., и на этой основе решить свои проблемы. А все, что поступает из России, так и будет идти по преференциальным ценам, и «старший брат» по-прежнему станет помогать «младшим братьям», пока те не встанут на ноги. Позиция России была однозначной. Мы были за сохранение тесного экономического взаимодействия, но не в ущерб национальным экономическим интересам, не в ущерб российскому налогоплательщику. Ведь если Россия поставляет свои товары по льготным ценам, а в обмен получает продукцию по мировым, ясно, что российский налогоплательщик фактически оплачивает суверенитет этих стран.

С 1993 года мы прекратили давать странам СНГ так называемые «технические кредиты» и перевели их долг на межгосударственный уровень. Сейчас он составляет около 10 млрд долларов. И только по этой цифре можно видеть минимальные размеры донорского бремени России. Теперь эта роль России международно признана. В частности, при переговорах Украины с МВФ о предоставлении ей кредитов выяснилось, что разрыв в ее платежном балансе на 1995 год составляет 1 млрд долл., а западное сообщество и МВФ готовы были предоставить чуть больше 300 млн долларов. Остальное должно быть предоставлено России в виде реструктуризации долгов за поставки Украине. (Иначе у Украины не было возможности выплатить 650 млн долл., и ей нельзя было бы получить кредит от МВФ согласно международным стандартам.) Этим официально подтверждались донорские функции России. Даже пропорция отражает реальное положение дел: минимум две трети реальной финансовой помощи оказывает странам СНГ Россия, а отнюдь не Запад. И хотя мы все время говорили о равенстве, о балансе интересов, на деле Россия несла финансовые издержки, пытаясь сохранить в этих странах экономическую и социальную стабильность, а отнюдь не для реализации каких-то целей «имперской политики», сохранения своего присутствия и т. д.

«ОНС» То есть Россия преследовала цель не допустить дестабилизации обстановки в регионе. Но сегодня на первый план все больше и больше выступают задачи реинтеграции.

А. Ш. Мы все время пытались восстановить экономическое пространство, идя шаг за шагом. Но чтобы такое восстановление было прочным, надо учитывать новые реалии. Например, я был противником использования странами СНГ национальной валюты России, единого рублевого пространства, если они реализуют свою самостоятельную экономическую, финансовую, внешнеторговую и т. п. политику. Для наших партнеров проблема может выглядеть так: используйте рубль, но при этом проводите, по сути, единую с Россией политику. Эта политика может вырабатываться совместно или согласовываться, но она должна быть единой в едином денежном пространстве. Следует, конечно, отдавать себе отчет в том, что политика России не всегда идеальна. Таким образом, присоединение к ней сулит выигрыш, если политика эффективна, и потери при неудачной политике. В 1992—1993 годах готовности к проведению единой политики явно не было, и в этой ситуации сохранение единого рублевого пространства означало лишь массивное кредитование стран СНГ и введение своего рода инфляционного налога на россиян для поддержания экономик соседних государств.

Мы предложили идти к объединению шаг за шагом по схеме Европейского Союза. Первый этап — зона свободной торговли, второй — таможенный союз, параллельно — поощрение финансово-промышленных транснациональных групп. Затем на этой базе уже возможно решать вопрос о целесообразности объединения денежных систем. Тогда это будет объединение на качественно новом уровне. При этом каждая страна несет неизбежные потери, но их следует скомпенсировать. Степень открытости экономики должна быть одинакова. Например, в России госзаказа практически нет, а в Белоруссии его доля превышает 50% производства, в Узбекистане — 90 процентов. О каком равенстве может идти речь, если российский предприниматель приходит в республики, где рынок, по сути, нет. Вся продукция распределяется. Поэтому таможенный союз — это не только отмена пошлин, но и согласование законодательств, согласованное применение экономических инструментов и т. п. Иначе при открытии границ одна из сторон обречет себя на убытки.

Только сегодня начинает приходить понимание того, что технологии «переплетения» экономик республик через укрепление связей между предприятиями, создание транснациональных финансово-промышленных групп очень выгодны. Так, по сути, начинается восстановление единого хозяйственного пространства, которое раньше держалось на управленческих воздействиях, а теперь воссоздается благодаря рыночному взаимопроникновению предприятий через структуры акционерного капитала и т. п. Такую технологию мы хотели бы поощрять, и очевидно, что наши партнеры начинают понимать это. Хотя одновременно они все-таки смотрят на Запад. Это выражается, в частности, в стремлении к созданию своих производств, дублирующих российские, с помощью западного капитала. Да и предоставление Западом помощи нередко сопровождается определенными условиями, облегчающими ему доступ в экономику стран СНГ. Так что процесс реинтеграции довольно сложен, и не все здесь зависит только от нас.

«ОНС» В конце 1995 года нас ждут выборы в Государственную Думу. Вы сейчас работаете над проектом платформы блока «Наш дом — Россия» (НДР). Как можно было бы сформулировать экономическое кредо вашего блока?

А. Ш. Сила предлагаемой нами платформы должна быть в том, чтобы государственная политика способствовала естественному позитивному движению в экономике. О признаках такого движения мы только что говорили. Сегодня уже не только необходима, но и возможна реализация программы устойчивого экономического роста. Значительная часть крупных предприятий прочно встала на коммерческую основу. Даже многие бывшие «гиганты социалистической индустрии» находят эффективные формы работы в рыночных условиях. Эти предприятия реально могут стать костяком экономики, взять на себя функции управления крупными сегментами рынка. Преодолевается и разобщенность интересов отдельных секторов хозяйства, прежде всего банковского и производственного (в частности, мы уже говорили о финансово-промышленных группах). Хотя аграрный сектор и переживает трудные времена, уже есть первые признаки того, что бизнес начинает признавать рыночную привлекательность и возможности российского сельского хозяйства. Намечился рост производства удобрений и сельскохозяйственной техники, увеличиваются частные инвестиции в сферу переработки сельскохозяйственной продукции. Эти и другие факты, на мой взгляд, создают почву для реального оптимизма: в ближайшее время Россия может перейти из фазы спада и системного кризиса в фазу устойчивого подъема экономики. В то же время как реалисты мы должны ясно отдавать себе отчет в том, что пока это только *возможность*. Она еще должна быть превращена в *действительность*, а такое превращение вовсе не гарантируется автоматически. Для ее реализации необходимы как созидательная работа всего населения страны, всех хозяйствующих субъектов, так и разумная, стабильная, четкая и взве-

шенная политика федерального правительства, которая облегчала бы и стимулировала экономический рост.

«ОНС» В средствах массовой информации НДР сразу окрестили «партией власти» исходя из того, что возглавляет ее премьер-министр, а в составе ее много руководителей разного уровня. Однако сами члены НДР с такой характеристикой не согласны.

А. Ш. Когда употребляют выражение «партия власти», обычно имеют в виду не партию, находящуюся у власти (в таком случае все правящие партии — партии власти), а совершенно другой контекст — «партия номенклатуры», которая объединилась, чтобы сохранить власть. Такое понимание, по-моему, соответствует реалиям вчерашнего советского, а не сегодняшнего дня. На самом деле, как мне кажется, здесь проблема несколько в другом: как должна формироваться и действовать партия, в составе которой много представителей властных структур? Если эти люди работают, используя технологии нормальной парламентской борьбы, предвыборной агитации и т. п., почему бы им не объединиться. Разумеется, если они станут злоупотреблять своим служебным положением для формирования партийных структур и партийной кассы, для проведения выборов, тогда можно будет говорить об использовании властных полномочий для сохранения власти. Все зависит от реальной практики, которая, как известно, постоянно находится под пристальным наблюдением общественности.

На самом деле преимуществ у лиц, совмещающих правительственную и партийную деятельность, не так много, как об этом обычно пишут. Правительство В. Черномырдина три года у власти, а плюсы от проводимой экономической политики только «проклеиваются» через толщу проблем, негативных явлений и т. п., которые осознаются гораздо лучше. На такой почве оппозиции легче бороться. И ее опасения сводятся к тому, что ее естественные преимущества критика могут быть перекрыты более частыми появлениями премьер-министра и других членов НДР на экранах телевизоров, какими-то манипуляциями с финансами (например, накануне выборов выдадут деньги предприятиям, и рабочие сразу пойдут голосовать за НДР) и т. п. Однако в жизни все всегда значительно сложнее.

Во-первых, опыт всех постсоциалистических стран показывает, что после трех-четырёх лет реформ электорат объективно склоняется влево. Во-вторых, во всех странах отношение к власти всегда более настороженное, чем к ее критикам, лишь утверждающим, что они все сделали бы лучше. В-третьих, у населения есть чисто психологическое ощущение, постоянно подогреваемое и оппозицией, и прессой, что начальники просто «по определению» не могут честно провести выборы. Поэтому на самом деле ситуация для НДР довольно сложная, и выиграть выборы будет очень непросто. Под выигрышем я понимаю относительный перевес голосов. Надо помнить также, что на нашем участке политического спектра довольно много «партий здравого смысла». Кто-то левее, кто-то правее, но все они не экстремисты, и у многих есть шанс преодолеть пятипроцентный барьер. Мы исходим из того, что большинство должна получить совокупность этих партий, и дело мудрости политиков создать коалицию после выборов (если не коалиционное правительство, то хотя бы большинство здравого смысла в Думе), чтобы и дальше идти по пути прогресса.

«ОНС» Движение НДР готовит свои программные документы, но у правительства также разработана программа действий на несколько лет вперед.

А. Ш. Программа НДР шире, чем правительственная программа. В нее включены идеи от социал-демократического настроя до умеренно-либерального. Нет радикального либерализма, поскольку предстоит решать много задач, которые традиционно не связываются с либерализмом (усиление роли государства и т. п.). То есть спектр наших взглядов довольно широк, это партия центра, где «шаг влево, шаг вправо не считается побегом».

«ОНС» Как говорят многие западные идеологи либерализма, он консервативен, т. е. стремится выявить и укрепить процессы, произрастающие из самой экономической, социальной, политической «почвы».

А. Ш. Мы как раз за это экономическое «почвенничество», но не на основе возврата к старой системе. Сейчас уже появились естественные процессы, свидетельствующие, что предприятия сами могут адаптироваться к рынку, к спросу и т. п., когда финансовые инструменты позволяют государству, не вмешиваясь напрямую, склонять хозяйствующих субъектов, финансовые институты к работе на тех или иных рынках. Рыночные технологии уже созданы, их надо активно использовать, т. е. на очереди у нас переход к «тонкой настройке» хозяйства, где государство показывает свою силу умением использовать механизмы такой настройки.

«ОНС» А где можно провести «линию раздела» между НДР и блоком И. Рыбкина?

А. Ш. Как я уже говорил, в идеологическом плане мы вовсе не отрицаем предложения социал-демократического толка и отнюдь не считаем, что слева от центра расположена территория исключительно Рыбкина. Речь должна идти о том, чтобы понять, где пределы допустимых компромиссов и в предвыборных программах, и в будущей Думе. В каких масштабах приемлема для нас социал-демократическая платформа с точки зрения совмещения ее с консервативным либерализмом. Ведь мы, например, не можем обострять социальные проблемы, и готовы использовать, скажем, чисто социал-демократический тезис о недопущении массовой безработицы. Но для нас неприемлема идеология госзаказов, массированных госзакупок, чтобы удержать то или иное предприятие «на плаву». Мы за методы косвенной поддержки: конкурсное распределение ограниченных государственных инвестиций, предоставление кредитов под ликвидные залоги предприятий, в том числе иностранных кредитов.

Все эти инструменты будут задействованы. И баланс, компромисс в таком случае достигаются на более тонком уровне, чем классические рассуждения лидеров глазевско-зюгановского толка, предполагающие момент возврата к старым методам. Экономический подъем можно и нужно стимулировать высокой ролью государства, связанной с использованием широкой гаммы механизмов тонкой настройки, тонкого управления. В этой связи появление такого спектра движений, как НДР, блок Рыбкина, вообще групп центристского плана, объективно обусловлено. Надо вообще идеологию центра «посеять» в сознание избирателя, политического истеблишмента. У нас все-таки и до 1917 года, и после преобладали контррастные тона. Культуры центра не было.

«ОНС» Но культура центра связывается обычно со средним классом, а у нас его нет.

А. Ш. Когда сегодня мы говорим о сильной социальной дифференциации, это означает, что у нас много бедных и чересчур богатых, а средний класс размывается. На самом деле это не совсем так, и средний класс формируется. Я упоминал о том, что целый ряд отраслей удерживается в условиях кризиса. Занятые там рабочие уже тяготеют к среднему классу. Получая зарплату в несколько раз выше средней, они чувствуют себя не то, что комфортно, но по крайней мере уверены в завтрашнем дне. Это уже начало формирования «рабочей аристократии», и к среднему классу вполне подходит. Потому что средний класс нельзя сводить, как это делают иногда, к малому и среднему бизнесу. Конечно, малый и средний бизнес — необходимый его компонент. Но такая уж у нас история, что подавляющее большинство населения связано с крупным производством. Поэтому целесообразно исходить из того, что в рамках крупных предприятий будут формировать-

ся новые типы производств, рабочие которых и станут, по сути, средним классом. И такой процесс уже происходит. Кстати, в заботе о процветании этой части среднего класса мы также становимся союзниками социал-демократических движений, профсоюзов, поскольку задача профсоюзов состоит в некотором смысле в формировании пресловутой «рабочей аристократии», а вовсе не в отражении интересов люмпенизированной части общества.

Кроме того, я бы не стал недооценивать и реальных масштабов малого и среднего бизнеса. Думаю, это весомая часть экономики. Известно, что наша налоговая система недобирает 40% налогов. В значительной степени не платят не крупные мафиозные группировки, а простые смертные, занятые тем или иным делом помимо официальной работы (торгуют, консультируют, разрабатывают проекты и т. д.). Это уже средний класс, может быть, в специфическом виде. Думаю, сам факт, что при колоссальных цифрах спада производства у нас не произошло катастрофы, означает, что официально не учтена существенная часть экономики. Есть даже рекомендации Мирового банка, как нам дооценивать валовой внутренний продукт, согласно которым его величину можно увеличить приблизительно на 20 процентов.

Другое дело, что связанный с этими процессами средний класс недостаточно законопослушен, и сами процессы приняли несколько уродливые формы, причем доля вины здесь, безусловно, лежит на государстве. Но нельзя не видеть и того, что эти люди тем не менее не хотят каких-то резких ломок, возвращения в «социалистический рай» или наведения порядка «жесткой рукой». Они, конечно, хотят более цивилизованного рынка, но и стремятся сохранить себя на этом рынке. Поэтому я думаю, что для централизма сегодня появилась объективная основа, и это не только умозрительная конструкция идеологов НДР.

© Н. Плискевич, А. Шохин, 1995